

Внутри у Цан Доушаня всё кипело от злости. Он напролом продирался сквозь людское море, преследуя Вэйшэна. Тот извивался в толпе скользким вьюном, но выучка цингун давала о себе знать: отмахав несколько улиц, беглец был пойман за шиворот.

— Ты зачем увязался за мной? — задыхаясь от бега, прорычал Доушань. — Поглумиться решил?!

Пойманный с поличным Вэйшэн даже бровью не повёл. Он небрежно стряхнул пыль с рукава и язвительно хмыкнул:

— Боялся, что стражники из управы забьют тебя палками до полусмерти и вышвырнут на мостовую. Мне ведь потом пришлось бы тратить на твоё лечение.

— Без тебя обойдусь! — огрызнулся Доушань.

Вэйшэн высвободил руку, и его усмешка стала ещё язвительнее:

— Очнись ты наконец! Кем бы ты ни был в прошлом, сейчас ты — обычный простолюдин, пыль под ногами. Запомни: в казённые палаты без звонкой монеты соваться нечего, там правды без золота не сыщешь. А ты всё никак не умиришь свою былую спесь!

Он выхватил зажатые в кулаке Доушаня медяки и отвесил ему несильный подзатыльник:

— Идём. Надо купить одеяла, иначе в дороге околеешь от холода.

Юноша поплёлся следом, раздавленный небывалым унынием.

Вэйшэн то и дело оглядывался, ворча и понукая его идти быстрее.

Когда всё необходимое для путешествия было куплено, оказалось, что скромные сбережения, скопленные с таким трудом, почти растаяли. Вэйшэн уныло потискал обнищавший кошель и хмуро уставился на спутника:

— Надеюсь, ты уверен, что там хоть что-то осталось?

— Возможно, — вяло отозвался тот, потеряв всякий интерес к разговору.

— Ишь ты, «возможно», — передразнил Вэйшэн, недовольно скривившись, и огляделся по сторонам.

В этот момент мимо них неспешно покатила свою тележку уличный торговец.

— Драконья борода! Свежая, сладкая драконья борода! — звонко зазывал он покупателей.

Вэйшэн преградил ему дорогу:

— Эй, почём сладости?

— Три медяка за штуку, десять — за три, — охотно отозвался разносчик.

— Тьфу! Шёл бы сразу грабить на большую дорогу, живодёр, — буркнул Вэйшэн, доставая из кошелька две монеты. — Давай четыре.

Торговец лишь покачал головой:

— За четыре медяка четыре штуки не отдам.

Вэйшэн угрожающе прищурился:

— Это ещё почему не отдашь? У тебя три штуки за десять монет идут — и ничего, совесть не жмёт! За дурака меня держишь?!

Торговец прикинул разницу в их росте и ширине плеч, благоразумно решил не связываться и молча забрал две жалкие монеты, протянув покупателю четыре кулёчка со сладостями. Лакомства оказались крошечными. Пальцы Вэйшэна тут же покрылись липкой соевой пудрой. Он отправил один комочек в рот, задумчиво пожевал и, решив, что вкус вполне сносный, сунул оставшиеся три приятелю:

— Держи, пожуй.

Доушань недоуменно воззрился на угощение.

— Что уставился? Ешь давай! Рожа кислая, как протухший творог, смотреть тошно. Подумаешь, прикрикнул на тебя пару раз, — проворчал Вэйшэн. Он закинул за плечи скатанные тюфяки и швырнул Доушаню узел с вещами. — Держи крепче и не вздумай уронить в грязь, там наша новая одёжка.

Тот поудобнее уместил узел на спине и послушно запихал в рот все три сладости разом. Вкус оказался до приторности сладким — аж зубы заломило. С изысканными яствами, к которым он привык в прежние времена, это варево не шло ни в какое сравнение.

Впрочем, выбирать не приходилось.

«Ладно, — мысленно вздохнул он, — сойдёт и такое»

Покинув уезд Аньхуэй, они двинулись дальше и после долгих скитаний наконец добрались до Города Янчуаня.

Времена стояли беспокойные. Дороги чернели от верениц беженцев, спасавшихся от голода. На пристани, едва они поднялись на борт речного судна, их окружил гомон: заезжие купцы собирались тесными кучками, наперебой судачили о битвах и о ценах на зерно, взлетевших до небес. Поговаривали, будто в столице сам министр ритуалов в гневе оставил службу из-за вздорных попреков государя, а его преемник, ленивый и глупый временщик, едва не сорвал торжественное жертвоприношение предкам, выставив себя на посмеище перед всем двором.

Цан Доушань жадно ловил эти слухи, слушая с живейшим интересом. Вэйшэна же вся эта болтовня лишь раздражала. Считая заезжих рассказчиков невыносимыми пустомелями, он демонстративно затыкал уши, проходя мимо них по палубе.

Вечером, устроившись в каюте, Вэйшэн высказал всё, что думает:

— Этот пустозвон весь день без умолку языком чешет, а ты и рад уши развесить!

— А что мне ещё делать? — огрызнулся в ответ Доушань. — Может, ты мне расскажешь, что творится в поднебесной?

Вэйшэн лишь шумно вздохнул:

— Ладно, забивай голову чужой брехнёй, коли охота.

С этими словами он повалился на циновку и отвернулся к стене.

Доушань вытер вымытые ноги, вылил воду за борт и, убрав бадью, бесцеремонно пихнул товарища в плечо:

— Подвинься к стене.

— Иди медитируй, соня несчастный, — пробурчал тот, не открывая глаз.

Доушань вздохнул, нажал сильнее и всё-таки втиснулся на постель. Тут же началась привычная делёжка одеяла — они пихались локтями, возились и упрямо тянули лоскутную ткань каждый на себя. Наконец Вэйшэн не выдержал:

— Порвёшь же, дубина!

Он нехотя уступил край, и на этом шуточная битва завершилась временным перемирием.

Сон не шёл. Доушань долго лежал с открытыми глазами, вглядываясь в чернильную темноту потолка. За тонкими переборками шумела река, убаюкивая мерными ударами волн. Дробясь о воду, бледный лунный свет зыбкими искрами проникал сквозь щели в сырую, зябкую каюту.

Доушань зябко чихнул и невольно придвинулся ближе к спящему другу. Вэйшэн, не просыпаясь, чуть подвинулся и накинуд на него свободный край одеяла.

— Ну и что ты выведал у тех торгашей? — вдруг сонно пробормотал Вэйшэн.

Доушань прикрыл глаза:

— Ничего путного.

В глубине души он давно похоронил надежду на то, что из секты Сихэ кто-то уцелел. Об этой обители никто слухом не слыхивал — даже те бывалые торговцы, что исходили срединные земли вдоль и поперёк.

Обитель канула в небытие. Странно, но былой тоски Доушань почти не испытывал. Всё рождается и умирает — таков непреложный закон Небес. Секта Сихэ процветала целую тысячу лет, но и её величие настал конец.

Не давала покоя лишь мысль о таинственном чернокнижнике, орудовавшем серебряно-белым копьём. Злодей такой мощи — как минимум на Ступени Постижения Дао — должен был греметь дурной славой по всем провинциям, наводя ужас на суеверных обывателей. Но сколько бы Доушань ни прислушивался к дорожным рассказам купцов, сколько бы ни терпел их пустопорожний трёп, ни единой зацепки найти не удалось.

«А может, ну его? — тоскливо подумал юноша. — Если этот монстр и существовал, его давно могли прикончить праведные мастера. Или он затаился в какой-нибудь глуши... Но пока я достигну его уровня, злодей успеет превратиться в дряхлого старика и сам сойдёт в могилу»

Вэйшэн рядом уже сладко посапывал во сне. Заразившись его спокойствием, Доушань тоже почувствовал, как слипаются веки, и провалился в глубокий сон.

Вэйшэн, как всегда, проснулся первым. Пробуждение вышло не самым приятным: грудь немилосердно сдавило, дышать стало тяжело. Посмотрев вниз, он обнаружил, что приятель

закинул на него свою здоровенную ногу.

Вэйшэн бесцеремонно спихнул соню на пол:

— Дрыхнешь и дрыхнешь, лежебока хренов! Быстро вставай и марш медитировать!

Спросонья Доушань не успел сообразить, что происходит. Падая, он инстинктивно выставил локоть, но в этот миг палубу качнуло на волне. Рука соскользнула, и кожа на локте болезненно ободралась о шершавые доски. Сон как рукой сняло.

Он приподнялся, потирая ушибленное место. Рукав новой рубахи украшала рваная дыра, сквозь которую виднелась содранная грязная кожа. Доушань потянулся к висевшей на перекладине тряпице, но та оказалась влажной после вчерашнего. Пришлось стирать пыль сухим краем, отчего он тут же взвыл от острой боли.

— Чего разорался? — донеслось из угла.

Доушань уставился на локоть, где сквозь серую грязь быстро проступали алые капли.

— Кожу содрал, — прошипел он сквозь зубы.

Вэйшэн сел на циновке, неодобрительно качая головой:

— Ну и растяпа. Как тебя так угораздило?

— Это из-за тебя я свалился! — вскипел Доушань. — И у тебя ещё наглости хватает меня винить?!

Вэйшэн откинул одеяло и поднялся:

— Подумаешь, разбудили его ни свет ни заря, уже зубы скалит. А если дальше труднее будет, сразу раскиснешь? Дай сюда руку, погляжу, что там за смертельная рана.

— Вечно ты изворачиваешься, — буркнул Доушань, но руку протянул.

Вэйшэн понимал, что сам виноват в падении друга, но извиняться не привык. Сделав морду кирпичом, он авторитетно заявил:

— Я в лесу столько лет дрова рубил, у меня этих ссадин сотни были. Показывай давай.

Доушань нехотя придвинулся ближе:

— Ерунда, просто щиплет. С моей нынешней базой совершенствования за пару дней затянется.

— Рассказывай больше, — фыркнул Вэйшэн.

В спешке он натянул сапоги не на те ноги и, забавно косолапя, выбрался на палубу. Вскоре он вернулся с деревянной лоханью, заставил Доушаня закатать рукав и принялся пригоршнями лить воду на ссадину, смывая грязь.

Вода была приятной, чуть тепловатой.

Когда грязь сошла, Вэйшэн крепко обхватил его локоть ладонями, разглядывая повреждение.

Доушань поморщился:

— Ну что там? Хватит глазеть... Эй! Ты что творишь?!

Вэйшэн, превосходя товарища в силе, легко подавил его попытку вырваться. Он навалился плечом, прижал его к стене и, низко наклонившись, без лишних слов лизнул кровоточащую ссадину, после чего сплюнул на пол розовую слюну.

Доушань опешил от омерзения:

— Да ты совсем ополоумел?!

— Тьфу на тебя, неблагодарный! — огрызнулся Вэйшэн. — Это старый охотничий способ, получше любого целебного порошка будет. Не зальешь слюной — рана загноится, подхватишь трясульку, согнёшься в три погибели и подохнешь, даже глотка воды сделать не сможешь!

— Враки всё! — крикнул Доушань, но, немного успокоившись, добавил: — Даже если и так, я бы и сам справился!

Вэйшэн так и покатился со смеху:

— Ну давай, покажи, как ты свой собственный локоть облизывать станешь!

Доушань упрямо вывернул руку, пытаясь дотянуться ртом до ушибленного сустава. Извиваясь и так и эдак, он безуспешно возился добрую минуту, пока не понял всю тщетность своих попыток. Раздосадованный, он сердито оттолкнул лохань и выскочил вон из каюты.

Вэйшэн посмотрел ему вслед и покачал головой:

— Чистое дитя.

Доушань подошёл к борту и уставился на бурные речные потоки, стараясь унять гнев. Локоть саднило, а мысль о слюне Вэйшэна вызывала тошноту. Нет, так оставлять нельзя. Ссадину нужно было промыть как следует, а лучше всего — прижечь крепким вином.

Он тоскливо пересчитал медные гроши, что выдавал ему на карманные расходы Вэйшэн, и вздохнул. На приличную чарку доброго вина здесь не хватило бы при всём желании: крепкий хмель на речном судне ценился на вес золота. Посмотрев на рану ещё раз, юноша уныло признал, что бедность — лучший лекарь, и отказался от затеи со спиртным.

Вдруг краем глаза он почувствовал чужую ауру. В нескольких шагах от него стоял тощий мужчина в сером плаще. Он пристально и немигающе смотрел прямо на Доушаня. Под этим тяжёлым взглядом у юноши побежали мурашки по спине. Преодолев оцепенение, он отвернулся и уже собирался поспешно уйти, как незнакомец негромко произнёс:

— У меня есть целебная мазь. Нужна?

Доушань заставил себя обернуться и, натянув на лицо вежливую улыбку, выдавил:

— Нет необходимости. Благодарю.

В мгновение ока мужчина в сером плаще оказался вплотную к нему — его лицо оказалось в считанных сантиметрах от лица юноши. Он железной хваткой вцепился в его предплечье и грубо развернул руку локтем вверх:

— Разве тебе не нужно лекарство?

— Пусти! — Доушань, никогда прежде не знавший подобного обращения, растерялся и попытался вырваться.

Однако незнакомец лишь сильнее стиснул пальцы и резким, выверенным движением вывернул его сустав. Раздался глухой хруст, и палубу огласил полный боли крик.

Услышав из каюты резкий окрик друга, Вэйшэн почуял неладное. Схватив лохань с грязной водой, он выскочил наружу. Стоило ему увидеть разыгравшуюся сцену, как гнев мгновенно затмил его разум. С глухим рыком он плеснул мыльную воду прямо в лицо нападавшему:

— А ну отвали от него, тварь паршивая!

Мутная жижа окатила и Доушаня, и его мучителя. В следующую секунду тяжёлая деревянная лохань с треском впечаталась незнакомцу прямо в переносицу. Не давая тому опомниться, Вэйшэн подскочил ближе и нанёс яростный удар ногой с разворота. Нападавший покачнулся и выпустил руку юноши. Пользуясь заминкой, Вэйшэн увлёк раненого друга за собой, разорвав дистанцию на несколько шагов.

Мужчина в сером плаще встряхнул головой, разлепив мокрые ресницы, и уставился на парней. Его взгляд казался нечеловеческим — холодным, лишённым всяких эмоций, словно у свирепого речного гада. Вэйшэну на миг показалось, что перед ними дикий зверь в человеческом обличье.

— Эй! Кто там посудой гремит? Спать мешаете! — недовольно прикрикнул проходящий мимо матрос.

Незнакомец помедлил мгновение, безмолвно изучая их, а затем молча повернулся и скрылся в темноте трюма.

Проводив его взглядом, Вэйшэн со злостью сплюнул на палубу:

— Совсем ублюдок умом тронулся!

— Погоди, — бледный как полотно Доушань слабо потянул его за рукав. — Замолчи... Он всё слышит.

Вэйшэн недоуменно нахмурился:

— О чём ты?

— Одежда... Его плащ снова сухой, — тяжело дыша, прошептал юноша. Он скосил глаза на вывернутый сустав и глухо добавил: — Помоги вправить кость.

Вэйшэн умелым, резким движением вернул сустав на место и бережно увёл хромающего друга обратно в каюту. Оказавшись в тепле, Доушань бессильно опустился на циновку, погрузившись в тягостные думы.

Ведь стоило тому странному человеку повернуться к ним спиной, как его насквозь промокший плащ мгновенно высох. Обычному смертному такое не под силу. Давящая, леденящая кровь аура незнакомца говорила об одном: он уже перешагнул порог и стал истинным практиком. Пусть его силы казались незначительными по меркам великих мастеров, он всё равно превосходил Доушаня. Захоти этот человек продолжить схватку, у них двоих не осталось бы ни единого шанса на спасение.

Но практик отступил, словно произошедшее его нисколько не волновало.

Что у него на уме?

<http://bllate.org/book/18329/1768241>